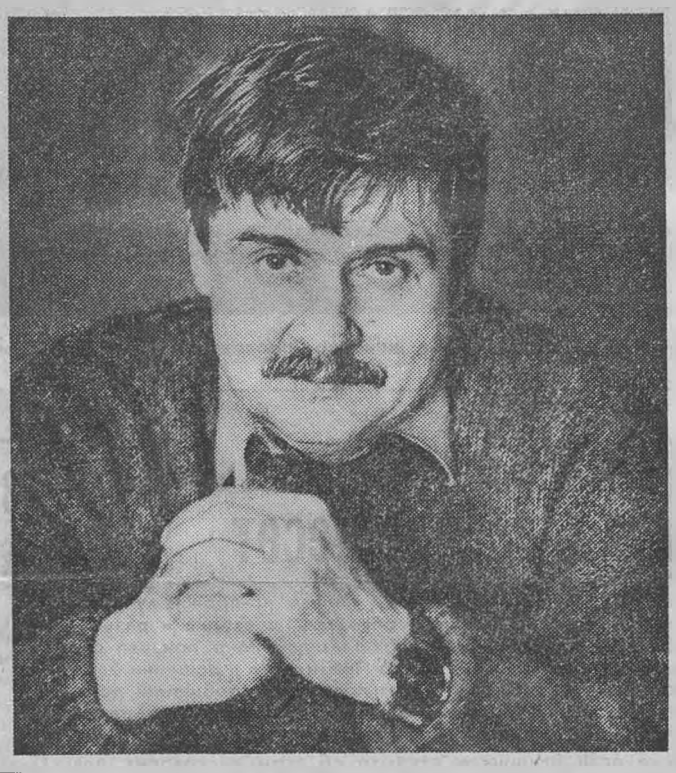
Сергей ЕСИН:

«ПЕРЕВЕРТЫШИ» БЫЛИ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА

Круг общения

Картинка на экране телевизора уже давно сменилась другой, а я никак не могу отойти от услышанного: знакомая журналистка, известная леворадикальными взглядами, оповестила всю страну о своей приверженности партии монархистов, которая одна только, по ее мнению, и сможет спасти страну. А неделю назад иной политический кульбит: борьбу партократии объявил новоиспеченный демократ — долгие годы осторожный чиновник партаппарата, ныне вышедший на пенсию... Каждый из нас насчитает немало подобных «перевертышей». Как грибы после дождя возникают... Может быть, переходное время — особенно благоприятная среда для их вызревания? Мне показалось интересным узнать точку зрения на этот счет известного писателя Сергея Есина. Его повести, романы «Имитатор», «Временитель» уже составили редкостное исследование появляющихся в нашем обществе за последние двадцать лет новых социальных типов. А что же герои нашего времени? Они-то чем отличаются от предыдущих?



— БОЮСЬ, ЧТО ничем. Меняются только времена. А жизнь, как карусель: то одна фигура подойдет — конь, то другая — крокодил. А вот кто на них взгромоздился?

Вспомните Зиновьева и Каменева. Их реабилитировали нынче, и это правильно. Но, как и многие, я не могу забыть ту их записку в «Новом времени», где они фактически предупредили о готовящемся октябрьском восстании. И Ленин тогда еще по-мальчишески возмутился: «Кто же предает своих?!» Эта оценка — эмоциональная, человеческая, нравственная — мне ясна и понятна. Не принято своих предавать! Вот почему в этом смысле они для меня и сегодня предатели. Нет, я не говорю, что они предали революцию, они предали свою компанию — и погибли в результате этого предательства. Потому что всю жизнь потом эти два человека метались то туда, то сюда, то в один блок, то в другой... Именно этим их «маневрам» мы обязаны возвышению Сталина. Не будь их, возможно, и судьба страны была бы иной.

Эхо предательства докатилось и до нас. Оно отметило — и это страшно — почти любого человека на авансцене, сегодняшнего политика. Я во многом могу быть не согласен с Еленой Боннэр, но с ее оценкой позиции бывшего генерала КГБ Калугина солидарен: не может человек так быстро измениться. Я мыслю конкретно: десятки лет на всех нас «в органах» подписывались всякие бумажки. Почему не Калугин их писал? Чем он тогда там занимался?

Но даже не это главное. Меня просто восхищает уровень людей, пошедших за ним. Это что же? Стоит ругнуть коммунистов — и вот ты уже лидер? Но завтра будут ругать — уже ругают! — демократов, потому что в магазинах нет продуктов. А лидеру каково? Ему вновь надо перекрашиваться... Думаю, что самым актуальным типом сейчас вновь делается тот, которого я описал десять лет назад,— тип имитатора. Но, конечно, на новой ступени. Тот был попроще: он «перевертывался» втихую, не подчеркивая публично, не афишируя своего двуличия. Он как бы и совесть имел в виду, я честь... Сейчас наоборот: происходит кульбит — бемц!— и наш «герой» имитирует по-новому, от другого, так сказать, лагеря. И это естественно для него. Ведь большинство лидеров нового времени — это люди, которые обслуживали время прошлое. И хорошо обслуживали, по-ударному. Международный обозреватель, всю жизнь по службе разжигавший ненависть к Америке, сейчас по службе же клянется ей в любви. Депутат-аграрник, жизнь положивший на прославление колхозного строя, сейчас старается обезопасить себя при возможном повороте режима: примеривается к первоначальному капиталу — к куску земли...

— Но что-то же держит на плаву всех этих имитаторов в течение стольких лет?

— Наличие другого, тоже очень распространившегося типа человека, для которого сзади ничего не существует — ни истории, ни культуры, ни человеческих, ни семейных отношений... Одна выжженная земля.

Только что прошел фестиваль «Шедевры мирового кино». Я шел за пять минут до начала сеанса, брал билет — зал всегда полупустой. Это уже симптом, но ладно... И вот я смотрю фильм по повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Идут титры на английском языке, с них, видимо, переводчица и читает. Но как! Я сразу понял, что она этого произведения не знает. Повесть давно открыта. Она знаменита, наконец... Но не чи-та-ла! Не интересует.

— Нет ли здесь парадокса? Ведь говорим постоянно: прошлое вошло в нас...

— Думаю, никакого парадокса нет. В нас не прошлое вошло — это бы душой должно быть прочувствовано, а истории из прошлого, о которых говорят, но которые не переживают. Как, скажем, «Анжелика и король». О, про Сталина? Давай! Про Берию? Еще лучше. Историческая хроника. Исторические анекдоты...

Пропитанность историей подразумевает все-таки внутреннюю сдержанность. А что на деле происходит? Есть святые вещи: когда скорбная процессия движется к мемориалу безвинно репрессированных... Но для огромного количества людей — это только масс-зрелище, не боль. Протест, а не страдание в основе и множества других наших поступков. Почему в свое время победил Ельцин? Не потому, что он был так замечательно хорош, а потому, что мы протестовали: мол, другого навязывают... А протест, выразившийся в уничтожении памятников? Всех! И царю, и Сталину, и вот Ленину теперь.

Да что мы терзаем исторические тени? Мне так же было бы интересно, если бы в Ленинграде находилась, скажем, улица Беккендорфа. Она всегда возвращала бы к мрачным и великим временам противостояния чиновника и Поэта... И меня совсем не смущало бы, будь на площади Восстания вместо этого нелепого обелиска Победы памятник Александру III работы Павла Трубецкого, а не был бы он загнан куда-то во двор Русского музея... В любой стране все это уживается вместе. Только, увы, не у нас — с нашим хроническим отрицанием прошлого, нетерпением и бескультурьем.

— Культура, как известно, один из главных стабилизаторов любого общества...

— А в нашей стране, я уверен в этом, она вообще должна быть первична. Кризис в стране случился из-за того, что мы неумело, без духовной опоры взялись за дело. Да и саму перестройку мы начали, я теперь вижу это, как дачники-новички. Этакий «новобранец» приезжает на старую дачу, которую строили до него несколько поколений, и видит: домто у него подгнил. Думает: домик я сборный закажу приятелю, туалет новый поставлю, дорожки проложу... И,.. ломает дом. А тут приятель: «Знаешь, я тебе дом не достал». Елки зеленые! Что делать? Живет в палатке, готовит в туалете... И мы так: взяли и все сломали. Все! Даже то, что хоть подгнило, но функционировало же...

Сейчас мы, конечно, «ломщиков» обвиняем. Обвиняем Горбачева. А кто ему в этом помогал? Кто был звонким трубачом, не заметившим, что песня-то стара: «разрушим до основания, а затем...»? Журналисты, писатели — вся интеллигенция. Тут-то и сработала плебейская психология: мол, если разорим дворцы, в которых жили баре, мы что-то изменим. Не тут-то было. Баре, как показала история, и в хижине могут жить. Вспомните у Пастернака: «...И трудности, и неудобства они несли как господа». А вот построить новый дворец — это оказалось человеку без культурных основ, без нравственных и не по натуре, и не под силу.

Признаемся себе, что моды на культуру у нас никогда не было. Я имею в виду не ту официально подкармливаемую культуру, которая в благодарность прославляла режим, а бытовую культуру, свод житейских правил поведения. Кое-что еще держалось на остатках религии, но с ее изгнанием ушли самые элементарные вещи: люди нашего поколения еще снимают шапку, входя в помещение, нынешние — уже нет... В среднесоциалистическое сознание это уже не включалось. Причин множество. Они и в хронической нашей нищете, и в истреблении интеллигенции, и, конечно, в личностях целого ряда наших вождей, которые свою некультурность, отсутствие внутреннего благородства, терпимости возводили в норму. Этакая простецкость... И это в стране, где столь велика система подражания. Что делает начальник, что любит начальник, то делаю, то люблю я...

Но вместе с опрощением и рядом, и даже над ним пышно расцвел еще один цветок социализма: демагогия. Этимто искусством народ наш овладел на всех уровнях: от трибуна-популиста до бабушки в очереди: «Я сорок лет отработала...» Один кричит: «Я из народа» — и это будто бы дает ему право на истину в последней инстанции, другой — и это уж самое новомодное: «Я из дворян» — и тоже тешит мечту о богоизбранности.

Психология демагогии меня очень интересовала. И я написал роман. Он об изощренной демагогии, которая обращена вовнутрь — с доказательствами от сердца, от себя. Мне повезло, Бог дал мне этот дар: все, с чем я не справляюсь в жизни, я «выбрасываю» в книгу. Художник вообще человек кающийся, он пытается поправить свою жизнь в своем творчестве. Но множество людей не имеют такой возможности, а спрятаться хочется — и мы прячемся за «такое было время», за «мы люди маленькие».

Почему сейчас идет «отстрел» Сталина? Он не самый мой любимый герой, но подозреваю, что это дает возможность закрыть преступления других. И наконец, есть же что-то, что мы делали сами? При Брежневе голосовали, при Горбачеве... Это как родовая травма. Боюсь, что и наши демократы идут проторенным путем: не по ленинским даже, по брежневским рельсам.

— Мы варимся в крепком «бульоне» новых идей, страстей, противоречивых мнений... Но, несмотря на инерцию, все-таки отличаемся сейчас от того, чем мы были, скажем, год или пять лет назад...

— Но как отличаемся? Жизнь наша, конечно же, не прошла только как кошмарный сон. Если это и было сном кошмаров, то во время него мы многому научились. Как в современной гипнопедии. Мы ведь жили в **этой** стране. И есть у нас не только опыт боязни тоталитарного режима, боязни государства, но есть еще и опыт социального общежития, социальной приязни, что ли. Это с одной стороны, а с другой — надвигается жесткость предлагаемых рынком обстоятельств: если ты не хозяин, значит, ты работник. Вот этого и потребуется новому человеку в себе совместить: прагматическую сторону жизни с впитанным с молоком матери общественным сознанием. Дай Бог, чтобы это случилось по человеческому дару, а не по жуткому — через гражданскую бойню — переделу. Только преодолев в себе долгими годами взращиваемое духовное бескультурье, мы не встанем на гибельный путь.

Беседу вела
Ирина МЕДВЕДЕВА.